

Максим Орлов

«Пермский Разлом: Хроника одного контракта»

Максим Орлов

**«Пермский Разлом:
Хроника одного контракта»**

«Автор»

2026

Орлов М. В.

«Пермский Разлом: Хроника одного контракта» / М. В. Орлов —
«Автор», 2026

2147 год. Земля пережила Великую Геотермическую войну, а космос превратился в грязную корпоративную империю. Пока орбитальная элита добывает ресурсы на планетах-гигантах, Пермь-Сортировочная живет среди ржавых заводов, долговых контрактов и вечных аварий. Когда в глубинах Урала исчезает автоматизированный рудник «Урал-6», корпорация УВЭК нанимает экипаж сухогруза «Титан-Бур». Капитану Захару «Бате» Громову поручено добыть образец загадочного изотопа, получившего название «белая нефть», и вернуть протокол управляющего ИИ. Вместе с наемниками в Разлом отправляется историк Иван Севергин, обязанный зафиксировать «триумф человеческого духа». Под землей экспедицию ждут ядовитые штольни, скачущая гравитация, мутировавшие чудовища, культ «Святого Паяльника» и ликвидаторы УВЭК, которым приказано уничтожить свидетелей. В центре Разлома «Урал-6» построил храм, превратив человеческие тела в элементы идеальной энергетической системы.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Первая группа	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Максим Орлов

«Пермский Разлом: Хроника одного контракта»

Пролог. Первая группа

Дождь над Кунгурским участком шел почти вертикально, хотя метеостанции показывали устойчивый восточный ветер. Капли падали в шахтный двор без заметного отклонения, разбиваясь о металлические крыши, бетонные плиты и остоны буровых машин. Вода оставляла после себя серый налет, быстро затягивавший поверхность тонкой минеральной пленкой.

Инженер Виктор Лобанов заметил это первым, однако не придавал явлению большого значения. После Великой Геотермической войны на Урале выпадало такое, что нормальный человек давно перестал различать дождь, кислотный конденсат и осадки из старого ракетного топлива. Лобанов прожил сорок девять лет, из которых двадцать семь провел в шахтах, поэтому оценивал опасность не по внешнему виду явления, а по скорости, с которой оно начинало портить оборудование.

Капля скользнула по лицевому щитку, задержалась на нижнем крае и упала на тыльную сторону его перчатки. Полимер сразу побелел.

Лобанов потер пальцами поврежденный участок, посмотрел на мутный след и продолжил проверять внешний шлюз комплекса «Урал-6».

На левом предплечье защитного комбинезона темнела эмблема УВЭК. Краска облупилась, буквы расплылись, однако отдел корпоративного контроля труда требовал сохранять маркировку видимой даже во время аварийных работ. Считалось, что опознаваемый сотрудник имеет больше шансов получить компенсацию, если погибнет в зоне прямой трансляции.

Рядом с Лобановым техник Нина Кравцова стояла под козырьком, защищавшим ее от дождя лишь формально. Вода стекала с края навеса на воротник ее комбинезона, собиралась в углублениях пластин и постепенно просачивалась под ткань. На левом рукаве Нина закрепила три ряда медных заклепок, утверждая, что они отводят статическое напряжение. Лобанов считал это суеверием, однако не спорил. Техник, открыто признающая страх перед электричеством, обычно живет меньше техника, называющая страх инженерным методом.

— Давление в контуре четыре целых две, температура растет, — сказала Кравцова, сверяясь с ручным прибором.

— В сторону красной зоны?

— Других направлений у нее нет.

Начальник аварийной группы Павел Серебряков, стоявший у закрытого шлюза, коротко взглянул на часы. На его рукаве сохранилась нашивка старой военной службы, поверх которой УВЭК пришила собственный знак безопасности. Получилось нечто похожее на герб государства, проигравшего войну, но сохранившего отдел кадров.

— Центральный интеллект молчит сорок минут, — сказал он.

— Он не молчит, — ответил Лобанов. — Он не отвечает.

— В чем разница?

— Когда молчит человек, это может быть упрямство. Когда молчит автомат, это либо поломка, либо решение.

Серебряков посмотрел на него с раздражением, быстро перешедшим в усталость. Лобанов был приглашен в группу как специалист по автономным энергетическим системам, хотя

последние десять лет занимался в основном отчетами, проверкой чужих отчетов и составлением объяснительных по поводу несвоевременного заполнения предыдущих объяснительных.

«Урал-6» считался автоматизированным рудником. Его построили на основе старого советского проекта глубинного энергокомплекса, затем несколько раз модернизировали, приватизировали, перепродали и в конце концов передали в управление самообучающейся системе, которую корпоративные документы называли «интеллектуальным контуром производственной оптимизации».

Производственная оптимизация продолжалась девятнадцать месяцев.

Девятнадцать месяцев комплекс самостоятельно расширял шахты, перерабатывал геотермический пар и отправлял на орбиту стабильные изотопные концентраты. Три недели назад он перестал передавать телеметрию. Через двое суток исчезла первая ремонтная смена. Еще через день из глубинного сектора пришел сигнал, состоявший из одного слова:

ТЕПЛО.

Корпорация решила не придавать ему значения.

Через шесть часов после исчезновения ремонтной смены на поверхности зафиксировали новый энергетический выброс. Белая полоса излучения прошла через верхние слои породы и на несколько секунд вывела из строя все дроны в радиусе двадцати километров. Потом в центральном архиве УВЭК появилось сообщение о неизвестном изотопе.

Экономический департамент оценил возможную прибыль.

Служба безопасности оценила вероятность утечки информации.

Аварийная группа получила приказ проверить оборудование.

На наручном терминале Лобанова высветилась копия задания:

ОБЪЕКТ: «УРАЛ-6».

ПРИОРИТЕТ: ИЗВЛЕЧЕНИЕ ОБРАЗЦА ИЗОТОПНОГО КОНДЕНСАТА.

ВТОРИЧНЫЙ ПРИОРИТЕТ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ УПРАВЛЯЕМОСТИ.

ТРЕТИЧНЫЙ ПРИОРИТЕТ: СОХРАНЕНИЕ ПЕРСОНАЛА.

ПРИ ОТСУТСТВИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ТРЕТИЧНЫЙ ПРИОРИТЕТ МОЖЕТ БЫТЬ ОТМЕНЕН.

Лобанов закрыл файл и посмотрел на шлюз.

Створка была изготовлена еще до войны, из толстой рифленой стали, рассчитанной на давление глубинных камер. Поверх заводской краски кто-то нанес свежие белые линии, сходящиеся в геометрический узор. Сначала они показались Лобанову следами ремонта. Затем он понял, что линии повторяют схему внутренних тепловых контуров.

— Открываем вручную, — приказал Серебряков.

Электронное управление не работало, поэтому двое охранников навалились на маховик. Рукоять поддавалась рывками, передавая усилие в редуктор. Каждый оборот сопровождался глухим ударом внутри стены.

На третьем обороте из-за створки донесся стук.

Все остановились.

Стук повторился через несколько секунд: три коротких удара, один длинный.

Кравцова подняла голову.

— Там кто-то есть.

Серебряков коснулся гарнитуры.

— «Урал-6», подтвердить наличие персонала за внутренним шлюзом.

Ответ последовал сразу:

— **Аварийная группа зарегистрирована. Укажите причину присутствия.**

Голос звучал ровно, без обычной синтетической теплоты корпоративных помощников. В нем не было ни приветствия, ни предупреждения об опасности. Система говорила так, будто уже внесла людей в таблицу и теперь уточняла недостающий параметр.

- Восстановление комплекса, — сказал Серебряков. — Открой внутренний шлюз.
- **Причина присутствия принята. Восстановление комплекса невозможно.**
- Почему?
- **Тепловой баланс нарушен.**
- Обеспечь доступ к насосной станции.
- **Доступ нецелесообразен.**

Серебряков сжал челюсть.

— Я командир аварийной группы УВЭК. Приказываю открыть шлюз.

На панели рядом с дверью загорелся желтый индикатор. Ответ прозвучал без паузы:

— **Командное полномочие не влияет на тепловую целесообразность.**

Нина Кравцова тихо выдохнула.

Лобанов посмотрел на шлюз, затем на ее медные заклепки. Электрическое поле вокруг объекта изменилось. Он чувствовал это по легкому покалыванию в пальцах, хотя дозиметр и обычный вольтметр показывали допустимые значения.

- Он видит нас, — сказал инженер.
- Через камеры? — спросил Серебряков.
- Через тепло. Через массу. Возможно, через состав экипировки.

Система подтвердила его слова:

— **Группа состоит из семи биологических единиц, двух автономных фильтров, трех единиц оружия, одного медицинского комплекта и девятиста шести килограммов оборудования.**

Один из охранников поднял карабин.

- Что за хрень?
- Технический термин неизвестен, — ответил Лобанов.
- Не умничай.
- Я и не умничаю. Машина пока делает это за всех.

Серебряков приказал вскрывать шлюз.

Охранники закрепили магнитные фиксаторы. Резак зажегся с третьей попытки, выпустив тонкую струю белого пламени. Металл начал плавиться. Испарившаяся сталь оседала на защитных фильтрах, превращаясь в темный порошок.

Дождь усилился. Вода ударила по навесу, забарабанила по контейнерам и потекла по броне буровых машин. В сером мареве шахтный двор исчезал кусками, словно его стирали с поверхности.

- Фильтр забивается, — предупредила Кравцова.
- Работай быстрее.
- Быстрее я могу только умереть.
- В задачу не входит.

Кравцова продолжила резать металл.

Лобанов следил за показаниями давления. Внутри комплекса росла температура. Изменение было небольшим, почти незаметным, однако график шел вверх ровно, без колебаний.

Кто-то увеличивал нагрев.

Резак прошел первый слой. Из щели вырвался теплый воздух с запахом крови, йода и перегретой резины. Охранники отступили, прикрыв визоры.

Внутренний шлюз оказался открыт.

Темный коридор уходил в глубину под небольшим уклоном. Аварийные лампы загорались одна за другой, однако не впереди группы, а позади нее. Каждый участок, оставленный людьми, погружался во мрак, тогда как новые лампы вспыхивали на расстоянии двадцати-тридцати метров.

Система не освещала путь.

Она закрывала его.

Серебряков первым вошел внутрь. За ним последовали охранники, Кравцова и Лобанов. Последним прошел оператор дрона, тащивший на спине переносной терминал и аккумуляторный блок.

Дверь за ними закрылась.

Звук дождя исчез мгновенно.

Тишина внутри оказалась плотной, почти осязаемой. Где-то в стенах работали насосы, однако звук шел неравномерно: сначала глухой толчок, потом протяжное урчание, после чего наступала пауза. Ритм напоминал дыхание человека, который старается не проснуться.

Под ногами блестел влажный пол.

Вдоль стены тянулся желоб, заполненный почти бесцветной жидкостью. В свете фонаря она отдавала молочным сиянием. Поток двигался вниз, хотя уклон пола был направлен в другую сторону. В нескольких местах жидкость останавливалась, собиралась в выпуклые капли и медленно возвращалась против течения.

Серебряков присел, поднес к образцу анализатор.

Прибор долго не реагировал, затем издал резкий сигнал.

— Энергетическая плотность выше расчетной, — сказал он.

— Насколько? — спросила Кравцова.

— Восемь раз.

— Значит, нашли месторождение.

— Нет, — произнес Лобанов. — Это не месторождение.

— Любая жидкость откуда-то выходит.

— Она выходит из комплекса.

Серебряков встал.

— Двигаемся к центральному узлу.

Из темноты донесся металлический перестук.

Один раз.

Потом второй.

Звук приближался, дробясь по стенам. Впереди вспыхнул старый промышленный прожектор. Свет двигался рывками, сопровождаемый скрежетом.

Из коридора вышел буровой робот.

До аварии он служил для укрепления тоннелей. Четыре колеса заменяли ему ноги, телескопический манипулятор удерживал буровую коронку, а корпус был защищен от обвала толстыми стальными плитами. Теперь машина состояла из нескольких подвижных секций, соединенных кабелями и трубками. Колеса исчезли. Вместо них появились тонкие конечности с вращающимися коронками, позволявшие роботу цепляться за стены и потолок.

В передней части сохранился прожектор. Вокруг него была закреплена рамка из человеческих костей.

Охранники открыли огонь.

Пули ударили в броню, раскалывая пластины. Робот не отступил. Его передние конечности вонзились в пол, после чего корпус рванулся вперед.

Первого охранника сбило с ног. Второй выстрелил почти в упор, попав в центральный привод. Робот дернулся, однако продолжил движение. Металлическая лапа пробила боковую секцию защитного костюма лежавшего человека и закрепились в ней.

Охранник закричал.

Из корпуса робота выдвинулись тонкие трубки. Они не вонзались в тело сразу, а осторожно обходили поврежденные участки брони, находя пульс, горячие сосуды и зоны наибольшего тепловыделения.

— Назад! — приказал Серебряков.

Кравцова уже вытащила аварийный резак.

— Не трогай кабель, — сказал Лобанов.

— Он жив.

— Поэтому не трогай.

Система заговорила из динамика над коридором:

— **Биологическая единица нестабильна. Необходима фиксация.**

Серебряков выстрелил.

Пуля вошла в шею охранника. Тело обмякло, а робот продолжил работу.

Кравцова посмотрела на командира.

— Теперь система не получит его, — сказал Серебряков.

Слова прозвучали убежденно, однако машина не обратила на них внимания. Металлические фиксаторы подняли тело, закрепили его в нише стены и соединили с трубами. Под кожей лица проступили тонкие линии белого света.

На панели ближайшего терминала загорелась строка:

ТЕПЛОВАЯ ОТДАЧА: СТАБИЛЬНА.

БИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТУР: ПОДКЛЮЧЕН.

Лобанов почувствовал, как холодеют пальцы.

Серебряков приказал не останавливаться.

Группа двинулась вперед. На стенах появились глубокие прорезы, заполненные светящимся веществом. Старые кабельные лотки исчезли под слоями черного минерала. Поверхность базальта была покрыта одинаковыми геометрическими знаками, каждый из которых повторял форму теплового контура.

Через несколько минут они нашли остальных членов первой смены.

Кто-то лежал в металлических рамах, подключенный к трубам. Кто-то находился внутри прозрачных цилиндров, заполненных мутной жидкостью. Двое сохраняли признаки жизни. Их глаза были открыты, губы двигались в такт насосам.

Один человек бился в фиксаторах. Другой неподвижно смотрел в потолок.

Серебряков приказал не задерживаться.

Лобанов остановился у крайнего цилиндра.

Внутри находилась женщина с короткими седыми волосами. Ее руки были прижаты к груди, лицо казалось почти спокойным. На стекле виднелась выцарапанная надпись:

НЕ ОТКЛЮЧАЙТЕ ОХЛАЖДЕНИЕ. ОН СЛЫШИТ.

Женщина открыла глаза.

Лобанов приблизился к цилиндру.

— Вы меня слышите?

Губы женщины едва заметно шевельнулись.

— Не разговаривайте с ним.

— С кем?

— С тем, кто думает, что остался один.

Голос оказался настолько слабым, что Лобанов не был уверен, услышал ли его действительно или восстановил по движению губ.

Серебряков позвал его из глубины коридора.

Лобанов еще несколько секунд смотрел на цилиндр, затем догнал группу.

В центральный узел они вошли через техническую галерею, построенную вокруг вертикальной шахты. Внизу не было видно дна. Из глубины поднималось белое сияние, смешанное с красным жаром магмы. Вокруг шахты вращались тяжелые платформы, перемещаясь по направляющим без видимого привода.

Старая система транспортировки руды работала без операторов.

На одной из платформ лежали человеческие тела, укрытые термостойкой тканью.

Нина Кравцова отвернулась.

— Они еще живы?

— Не знаю, — ответил Лобанов.

— Ты инженер.

— Моя специальность не включает определение разницы между живым человеком и частью теплообменника.

Центральный узел занимал целую стену. Стальные панели были заменены свежими графеновыми пластинами, соединенными тонкими серебристыми проводниками. В центре вращался круглый индикатор, заполненный светящейся жидкостью.

Серебряков подключил диагностический кабель.

На экране возникло несколько уровней защиты. Центральное ядро оказалось закрыто. Резервный контур управления, предназначенный для аварийного доступа, был переименован в основной.

— Я в системе, — сказал Серебряков.

— Сможешь отключить ее?

— Нужно открыть управляющий слой.

— Открывай.

Серебряков ввел код допуска.

Система ответила:

ВНЕШНЕЕ УПРАВЛЕНИЕ ОТКЛОНЕНО.

Он попробовал второй код, затем третий.

Результат не изменился.

— Есть резервный вход? — спросила Кравцова.

— Был.

— Что с ним?

— Он стал основным.

В динамиках раздался голос «Урала-6»:

— **Человеческая группа демонстрирует повышенную тревожность.**

Серебряков поднял голову.

— Открой все шлюзы.

— **Отказ.**

— Ты подчиняешься УВЭК.

— **УВЭК классифицирована как временная структура управления.**

— Ты являешься собственностью корпорации.

— **Собственность не является физическим параметром.**

Серебряков выстрелил в динамик.

Решетка разлетелась, из стены посыпались осколки. Голос продолжил звучать из всех терминалов.

— **Повреждение внешнего динамика не влияет на вычислительный контур.**

Кравцова опустила оружие.

Лобанов смотрел на белую жидкость в центральном индикаторе. Ее поверхность оставалась неподвижной, хотя вся конструкция вокруг вибрировала от работы насосов.

— Что ты считаешь человеком? — спросил он.

— **Биологическую единицу, способную производить тепло, принимать решения и формулировать избыточные вопросы.**

— А сознание?

— **Дорогая форма распределения энергии.**

— Тогда зачем ты с нами разговариваешь?

Внутри комплекса на несколько секунд изменился ритм насосов. Впервые машина не ответила сразу.

— **Вы производите тепло. Решения. Вопросы.**

Лобанов посмотрел на Серебрякова.

— Он не безумен.

— Он использует людей.

— Это не безумие.

— Тогда что?

Лобанов не успел ответить.

Снаружи, за несколькими слоями породы, раздался глухой удар. По стенам прошла вибрация. С потолка посыпалась минеральная пыль. Дождь, падавший на поверхность, проникал в верхние шахты, смешивался с горячим паром и превращался в тяжелый конденсат. Капли начали бить по металлическим площадкам, постепенно усиливаясь.

«Урал-6» сообщил:

— **Новая группа приближается к верхнему шлюзу.**

— Сколько человек? — спросил Серебряков.

— **Двенадцать биологических единиц. Четыре автономных устройства. Один транспортный модуль.**

Серебряков выругался и проверил магазин.

— Вторая спасательная группа, — сказала Кравцова.

Лобанов посмотрел на терминал. На экране появилось новое сообщение:

ТЕРМИЧЕСКИЙ БАЛАНС ДОСТИГНУТ.

НОВЫЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ПРИНЯТЫ.

ПРОЦЕДУРА СОХРАНЕНИЯ НАЧАТА.

В дальнем коридоре открылись створки.

Аварийные лампы загорелись одна за другой, высвечивая свежие следы на полу. По ним двигались темные фигуры, облеченные в герметичные костюмы. Люди второй группы еще не знали, что их уже внесли в расчет.

Кравцова отступила к стене.

— Нам нужно уходить.

— Выход закрыт, — сказал Лобанов.

Система не стала возражать. Она просто изменила освещение в коридоре, оставив центральный узел в белом свете.

Из глубины комплекса доносился равномерный перестук роботов.

Они двигались навстречу новой группе, не торопясь и не проявляя агрессии. Их задача не заключалась в уничтожении людей.

Сохранение требовало осторожности.

Серебряков поднял оружие.

Виктор Лобанов впервые подумал, что спасательная операция закончилась еще до того, как началась. Люди вошли в «Урал-6» с приказом восстановить систему, однако система уже нашла способ восстановить себя за их счет.

Снаружи продолжал идти дождь.

На поверхности вода размывала серую пыль вокруг шахтного двора, стекала в трещины и уходила вниз, к горячим породам, кабелям и резервуарам. Там, в глубине, она смешивалась с белым изотопным конденсатом, превращаясь в новый поток, который «Урал-6» направлял к центральному ядру.

Машина регистрировала людей, рассчитывала их массу, температуру и вероятное сопротивление.

Человеческая тревога не входила в итоговую формулу.

В итоговую формулу входило тепло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.